

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-35-43

Наджиба Ильгар кызы МУСТАФАЕВА

Центр стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики
М. Ибрагимова ул., 8, Баку, AZ 1005, Азербайджанская Республика
najiba.mustafayeva@sam.gov.az
ORCID: 0000-0003-1855-6536

К 70-ЛЕТИЮ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ВВЕДЕНИЕ. Всеобщей декларации прав человека в 2018 г. исполняется 70 лет. Это первый в истории человечества универсальный международно-правовой акт, в котором государства – члены ООН согласовали и торжественно провозгласили основные права и свободы человека. Наиболее дискуссионным и неоднозначным вопросом является определение правового статуса Декларации. Учитывая тот факт, что Декларация была принята в виде Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, она носит не обязательный, а рекомендательный характер. Но принятая в качестве «стандарта, к достижению которого должны стремиться все народы и все государства» Декларация претерпела определенную юридическую трансформацию в связи с последующим заключением международных договоров, уточняющих и развивающих ее положения, что в свою очередь оказало влияние как на международную, так и на внутригосударственную практику. В связи с этим обоснованным представляется утверждение о необходимости признания за определенными положениями Декларации характера норм международного обычного права. В статье проводится анализ национальной судебной практики отдельных государств, а также Международного суда ООН с целью выявления оснований для возможности признания отдельных положений Декларации в качестве норм международного обычного права.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Представленное исследование проведено на основе анализа текста Всеобщей декларации прав человека, документов Комиссии ООН по правам человека, стенограммы заседания Генеральной Ассамблеи ООН, на котором была принята Декларация, решений и консультативных заключений Международного суда ООН, а также доктринальных исследований ученых. Методологическую основу исследования составляют как общенаучные (диалектический, исторический, статистический методы, методы обобщения, системного анализа), так и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический методы, метод толкования норм права) методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе исследования международно-правовых актов и международной судебной практики, национального законодательства и судебной практики отдельных государств, а также доктринальных представлений ученых автором формулируются обобщения и выводы, связанные с правовым статусом Всеобщей декларации прав человека.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В статье автор приводит анализ хронологии дипломатической борьбы, развернувшейся в период принятия документа, что впоследствии отразилось на его окончательном тексте. В частности, рассматриваются позиции западных госу-

дарств и стран социалистического блока относительно природы прав человека с точки зрения теорий естественного и позитивного права, а также западного либерализма и марксизма. С учетом нравственного значения, а также весомого вклада Декларации в принятие последующих универсальных и региональных международных договоров в области прав человека, ее влияния на национальное законодательство и правоприменение (хоть и незначительное) во внутригосударственной судебной практике государств автор приходит к выводу о том, что отдельные положения Декларации могут быть признаны нормами международного обычного права. В современных условиях, когда ряд государств все еще не является участником основных международных договоров по правам человека, положения Всеобщей декларации прав человека должны действовать для них в качестве обязательных норм международного обычного права, которые

формируются в результате международной практики государств и постепенно признаются ими в качестве правовых норм. Этот вывод основан на изучении практики Международного суда ООН, решения и консультативные заключения которого анализируются в данной статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Всеобщая декларация прав человека, международное право, международное обычное право, права человека, Международные пакты о правах человека, Международный билль о правах человека, Международный суд ООН

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мустафаева Н.И. 2018. К 70-летию Всеобщей декларации прав человека. – Московский журнал международного права. № 1. С. 35–43.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-35-43

HUMAN RIGHTS

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-35-43

Najiba I. MUSTAFAYEVA

Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan
8, ul. M. Ibrahimova, Baku, the Republic of Azerbaijan, AZ 1005
najiba.mustafayeva@sam.gov.az
ORCID: 0000-0003-1855-6536

TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS

INTRODUCTION. *The year of 2018 marks with a global celebration of 70th anniversary of Universal Declaration of Human Rights, the landmark international document which represents the univer-*

sal recognition that basic rights and fundamental freedoms are inherent to all human beings which is solemnly proclaimed by the UN member states. The most debatable and ambiguous issue is the determi-

nation of the legal status of this essential document. Given the fact that the Declaration was adopted by the UN General Assembly in a form of the resolution, it has a recommendatory character. However, the Declaration which adopted as “standard to which all nations and states should strive to achieve” has undergone a certain legal transformation related to the constant development and refinement in the process of concluding a rich body of legally binding international human rights treaties that affected both domestic and international law. In this regard, the statements on the necessity of recognition of the certain provisions of the Declaration as norms of the international customary law are timely and fully justified. The article analyzes national judicial practice of sovereign states and the International Court of Justice in order to identify the possibility of such recognition.

MATERIALS AND METHODS. The article is based on a considerable amount of materials, including the Universal Declaration of Human Rights, working materials of the UN Commission on Human Rights, statements made during General Assembly meeting (documented as verbatim records) on adoption of the Declaration, decisions and advisory opinions of the International Court of Justice, as well as the doctrinal positions of different authors. The methodological basis of the research comprises the general scientific methods (the dialectical, historical, statistical methods, methods of generalization and system analysis) and special methods of cognition (comparative legal and formal legal methods, methods of interpretation of legal norms).

RESEARCH RESULTS. In the basis of the study of the international legal acts and international judicial practice, national legislation and judicial practice of concrete states, as well as doctrinal positions of scientists, the author makes conclusions on the

legal status of the Universal Declaration of Human Rights.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. In the article the author gives a historical reference on the diplomatic contestation in the period of the adoption of the Declaration which subsequently affected the final text of the document. Taking into account the moral significance, as well as weighty contribution of the Declaration to the adoption of international and regional human rights treaties, national legislation and judicial practice, the author comes to the conclusion that the certain provisions of the Declaration should be recognized as norms of the international customary law. The author also concludes that in modern conditions, when a number of states are still not a party to the main international human rights treaties, the provisions of the Universal Declaration of Human Rights should act for them as binding norms of international customary law that are formed as a result of international practice of states and are gradually recognized by them as a legal norm. This conclusion is also formed on the basis of the practice of the International Court of Justice, the decisions and advisory opinions of which are analyzed by the author in this article.

KEYWORDS: Universal Declaration of Human Rights, international law, international customary law, human rights, International pacts on human rights, International Bill on human rights, International Court of Justice

FOR CITATION: Mustafayeva N.I. To the 70th Anniversary of the Universal Declaration of Human Rights. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 1. P. 35–43.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-35-43

Всемирное празднование 70-летнего юбилея Всеобщей декларации прав человека, первого в истории человечества универсального международно-правового акта, в котором государства – члены ООН согласовали и торжественно провозгласили основные права и свободы человека, приходится на 2018 г. Совместно с принятыми в 1966 г. Международными пактами о правах человека, а также факультативными протоколами к ним Всеобщая декларация

прав человека открывает перечень международных документов известных как «Международный билль о правах человека».

Примечателен тот факт, что Декларация, которая зиждется на демократических и культурных идеалах человечества, вобрала в себя положения таких фундаментальных правовых достижений своего времени, как английский Билль о правах человека 1689 г., Декларация независимости США 1776 г., американский Билль о

правах человека 1791 г., французские декларации прав человека и гражданина 1789 и 1793 гг.

Принятие этого эпохального документа фактически на руинах Второй мировой войны происходило в условиях сложнейшей дипломатической борьбы в лучших традициях «холодной войны». Западные страны, руководствуясь в первую очередь положениями французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., а также Конституцией США 1787 г., исходили из необходимости признания естественного характера основных прав человека. Поскольку вышеупомянутые документы содержали перечень гражданских (личных) и политических прав, делегаты западных стран возражали против включения в проект документа экономических и социальных прав. СССР, напротив, опираясь на Конституцию 1936 г., выступал за включение в Декларацию именно этой категории прав человека. Более того, советская делегация была против признания естественного характера прав человека, абсолютизируя принцип государственного суверенитета и придерживаясь позитивистского подхода о том, что права человек получает от государства, которое по своему усмотрению закрепляет их в законодательном порядке¹.

Эти разногласия базировались не только на различиях теорий естественного права и позитивного права, но и на противоборстве сторонников западного либерализма и марксистов. Убежденность западных стран в отношении примата гражданских (личных) и политических прав, расценивалась сторонниками марксизма как защита «буржуазных» прав. Как уточняет Г. Джонсон, речь идет о тех правах, которые «в лучшем случае, отстаиваются господствующим классом и служат ему и которые, в худшем случае, могут служить инструментом угнетения рабочего класса». Автор также отмечает, что, по мнению марксистов, «на государстве как на представителе общества в целом лежит особая ответственность за обеспечение прав человека и экономического благополучия, что противоречит классической либеральной идее, которая рассматривает это как вмешательство, наносящее ущерб свободе» [Джонсон 2003].

В связи с этим камнем преткновения вполне ожидаемо стал вопрос о праве на частную собственность, разногласия по поводу которого не

только основывались на положениях внутригосударственных нормативно-правовых актов, но и были продиктованы идеологическими соображениями.

Каким же образом удалось найти компромисс и согласовать окончательный текст Всеобщей декларации прав человека, невзирая на прямо противоположные трактовки и принципиально разные оценки социально-политических категорий со стороны противоборствующих блоков? Как отмечает проф. В.А. Карташкин, «при разработке и принятии Всеобщей декларации, равно как и других документов в области прав человека, государства с разными общественными системами сознательно не уточняли содержания многих обсуждаемых понятий и не давали им классовых определений. Так в эти категории вкладывался общедемократический и общечеловеческий смысл, приемлемый для всех. Автор уточняет, что, с одной стороны, Запад исходил из того, что социальный прогресс, права и свободы человека можно обеспечить на базе рыночной экономики, в то время когда СССР для достижения этой же цели считал необходимыми ликвидацию капиталистического общества и построение социализма и коммунизма. С другой – страны с разными общественными системами признавали, что основные права и свободы могут быть обеспечены путем социального прогресса в условиях существующего строя». Кроме того, договаривающиеся стороны допускали компромисс в виде возможности «различного толкования содержания и способов реализации определенных прав человека».

Противоречия в позициях сторон во многом явились причиной того, что многие статьи документа носят общий характер. Но следует отметить и тот факт, что использование норм внутригосударственных нормативно-правовых актов государств – членов ООН способствовало тому, что отдельные статьи Декларации четко сформулированы и зачастую напоминают положения национальных конституций, которые были взяты за основу при составлении текста документа².

После детальной разработки и продолжительных обсуждений Всеобщая декларация прав человека была принята 48 голосами государств – членов ООН 10 декабря 1948 г.

¹ Карташкин В.А. Международная защита прав человека. – *Права человека: учебник*. Отв. ред. Е.А. Лукашева. 2-е изд. М.: Норма. 2009. С. 469.

² Там же. С. 470–471.

Дата принятия Декларации ежегодно отмечается во всем мире как День прав человека³.

Полагаем, что наиболее дискуссионным и неоднозначным вопросом является определение правового статуса Декларации. Учитывая тот факт, что Декларация была принята в виде Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, она носит не обязательный, а рекомендательный характер. На итоговом заседании Генеральной Ассамблеи, в день принятия окончательного текста документа, Председатель Генеральной Ассамблеи заявил о том, что «Декларация – это всего лишь первый этап, так как она не является конвенцией, налагающей на различные государства обязательство соблюдать и осуществлять на деле основные права человека; в ней нет положений о проведении ее принципов в жизнь, но, несмотря на это, она представляет собой важный шаг вперед в великом процессе развития»⁴.

Казалось бы, в таком случае не должно возникать сомнений относительно правового статуса и юридической силы положений Декларации, которые по определению не могут налагать юридических обязательств на государства. Но необходимо учитывать и то немаловажное обстоятельство, что документ разрабатывался и принимался в период, когда идеалы демократии, гуманизма и уважения прав человека не имели повсеместного признания, в связи с чем Декларация предлагалась как некий стандарт для развития национального законодательства государств в сфере обеспечения прав человека. Перечисленные в ней основные права и свободы человека играли роль образца для конкретного перечня прав, реализацию которых должны обеспечивать государства в рамках национальной юрисдикции.

Несмотря на то что за это время государства присоединились к значительному числу международно-правовых договоров в области прав человека и таким образом связали себя договорными обязательствами по обеспечению прав и свобод человека, Декларация по-прежнему представляет собой своего рода ориентир, моральный авторитет которого не вызывает сомнений.

Впрочем, необходимо отметить не только нравственную сторону рассматриваемого документа, но и его весомый вклад в принятие последующих универсальных и региональных международных договоров в области прав человека, а также национального законодательства государств – членов ООН.

Как уже было отмечено, Всеобщая декларация прав человека является первым международным документом, составляющим так называемый Международный билль о правах человека. Положения Декларации нашли свое отражение и уточнение в значительном числе специальных конвенций, принятых в рамках ООН, а также явились правовым ориентиром для таких региональных договоров, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Американская конвенция о правах человека 1969 г. и Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. Значение Декларации подчеркивается и в ряде важных итоговых документов и заключительных актов, среди которых особо следует выделить Заключительный акт СБСЕ 1975 г., признающий принцип уважения прав человека и основных свобод как один из основных императивных (*jus cogens*) принципов международного права и подтверждающий, что «в области прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека»⁵. Приверженность целям и принципам Устава ООН и Всеобщей декларации выражается и в Венской декларации и Программе действий Конференции по правам человека 1993 г., где подчеркивается, что «Всеобщая декларация для всех народов и всех государств является источником вдохновения и представляет собой основу для ООН в деле достижения дальнейшего прогресса в установлении стандартов, содержащихся в действующих договорах по правам человека»⁶.

Более того, в ряде государств (Австрия) положения Декларации имеют прямую юридическую силу и выступают в качестве правовой

³ День прав человека (Human Rights Day) отмечается ежегодно с 1950 г. в соответствии с Резолюцией № 423 (V) Генеральной Ассамблеи ООН с целью привлечения внимания «людей во всем мире» к Всеобщей декларации прав человека как к общему идеалу для всех людей и народов. См.: Всеобщей декларации прав человека исполняется 70 лет. Выступим в защиту равенства, справедливости и человеческого достоинства. – *Официальный сайт ООН*. Доступ: <http://www.un.org/ru/events/humanrightsday/> (дата обращения: 07.01.2018).

⁴ Доклад Третьего комитета. – *Документ ООН A/777*.

⁵ Helsinki Final Act. Organization for Security and Co-operation in Europe. August 1, 1975. URL: <http://www.osce.org/helsinki-final-act?download=true> (accessed date: 12.11.2017).

⁶ Vienna Declaration and Programme of Action. The World Conference on Human Rights in Vienna. June 25, 1993. URL: <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/Vienna.aspx> (accessed date: 12.11.2017).

нормы, которую могут использовать национальные суды (Италия, Бельгия, США). Вместе с тем большинство национальных правовых систем не признают положения Декларации в качестве договорных или обычных норм международного права, в связи с чем в решениях национальных судебных органов довольно часто встречаются мотивировки, отвергающие Декларацию как источник императивных норм. Но положения Декларации, будучи стандартом в области прав человека, все же могут воздействовать на судебное толкование норм внутреннего права (Австралия, Индия, Канада, Франция), не имея при этом обязательной юридической силы, а также содержаться в постановлениях конституционных судов в обоснование вынесенных решений (Азербайджан, Белоруссия, Россия).

Отдельные страны провозгласили, что Всеобщая декларация имеет обязательную силу норм обычного права. Так, в заявлении Постоянного представителя Швеции при ООН, сделанном от имени пяти северных стран: Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции, утверждалось: «Всеобщая декларация общепризнанна в качестве составной части всеобщего международного права». Ряд латиноамериканских стран также признает за положениями Декларации нормы международного обычного права [Ханнум 1999].

Кроме того, «не менее чем 90 национальных конституций, принятых после 1948 г., содержат перечень фундаментальных прав, которые или воспроизводят положения Декларации, или включены в них под ее влиянием» [Yagawick 1992:158].

Примечателен тот факт, что в практике Международного суда ООН косвенно прослеживается определение статуса Всеобщей декларации прав человека как нормы международного обычного права. Так, в ряде решений и консультативных заключений Суда содержатся положения об обязательствах, накладываемых на государства нормами международного обычного права. К примеру, при рассмотрении вопроса об ого-

ворках к Конвенции о преступлении геноцида и наказании за него 1948 г. Суд отметил, что «принципы, положенные в основу Конвенции, представляют собой принципы, которые даже без всяких договорных обязательств признаны цивилизованными нациями как имеющие обязательную силу для государств»⁷. Как справедливо отмечает Н.А. Сафаров, «история создания этой Конвенции свидетельствует, что цель Объединенных Наций заключалась в том, чтобы осудить геноцид и наказать за него как за «преступление по международному праву...», связанное с отказом в праве на существование целой группе людей, отказом, с которым не может смириться совесть человечества и который ведет к огромным потерям для человечества, противоречит законам нравственности, а также духу и целям Объединенных Наций» [Сафаров 2005:7–8]. В связи с этим Международный суд ООН, признавая за принципами Конвенции обязательную юридическую силу для государств, фактически лишает последних возможности ссылаться на свое неучастие в данном международном договоре.

В Постановлении Международного суда ООН от 28 мая 2009 г. по вопросу, связанному с обязательством выдавать или осуществлять судебное преследование (Бельгия против Сенегала), судьи Корума и Юсуф заявили, что «рассматриваемое дело Бельгии и Сенегала касается обязательства последнего (по праву международных договоров и по международному обычному праву) выдать или судить (*aut dedere aut judicare*) бывшего президента Чада Хиссена Хабре за преступления, которые он, согласно соответствующим заявлениям, совершал или на совершение которых отдавал приказы, будучи президентом»⁸. С учетом того что вопросы выдачи регулируются исключительно на договорной основе, а универсальный международный документ, регламентирующий правовые основы процедуры экстрадиции, отсутствует⁹, заявление судей дает основание для признания принципа *aut dedere aut judicare* в качестве нормы международного обычного права.

⁷ Reservations to the Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide. Advisory Opinion of the International Court of Justice. May 28, 1951. URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/12/4285.pdf> (accessed date: 08.01.2018).

⁸ Постановление от 28 мая 2009 г. «Вопросы, связанные с обязательством выдавать или осуществлять судебное преследование (Бельгия против Сенегала)». – *Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда 2008–2012 гг.* Нью-Йорк: ООН. 2014. Доступ: <http://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-2008-2012-ru.pdf> (дата обращения: 29.12.2017).

⁹ В рамках ООН существуют Типовой договор о выдаче, принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1990 г. № 45/116, а также договоры, предусматривающие выдачу в целях борьбы с отдельными видами преступлений (к примеру, Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом от 16 мая 2008 г.). В международно-правовой практике вопросы выдачи регламентированы региональными договора-

Это имеет принципиальное значение для современной правовой реальности, характеризующейся тем обстоятельством, что ряд государств не являются участниками основных международных договоров по правам человека. В связи с этим положения Всеобщей декларации прав человека должны действовать для них в качестве обязательных норм международного обычного права, которые формируются в результате международной практики государств и постепенно признаются ими в качестве правовой нормы. Это, в свою очередь, соответствует логике подп. в п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН, согласно которому «Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет... b) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы»¹⁰.

В связи с этим проф. Х. Ханнум в качестве примера приводит США, которые «до последнего времени не ратифицировали большинство международных договоров в области защиты прав человека», создав тем самым условия для того, чтобы «истцы, оспаривающие судебные или административные решения, наряду с Конституцией использовали нормы международного обычного права в качестве главного источника правопритязаний». В результате «в судах США на Всеобщую декларацию ссылались, пожалуй, чаще, нежели в любых других» [Ханнум 1999].

Необходимость признания за определенными положениями Декларации характера норм международного обычного права продиктована и тем важным обстоятельством, что принятая 70 лет назад в качестве «стандарта, к достижению которого должны стремиться все народы и все государства» Всеобщая декларация прав человека претерпела определенную юридическую трансформацию. Эти перемены были связаны с последующим развитием и уточнением в процессе заключения международных договоров ее положений, оказавших, как уже было отмечено, влияние как на международную, так и на внутригосударственную практику.

Таким образом, для определения принадлежности к нормам международного обычного права отдельных положений Всеобщей декларации прав человека, а также самого документа в целом необходимо основательное исследование наци-

ональной практики государств по применению положений Декларации в судебной, законодательной и административной сферах. Интересно мнение проф. Я. Броунли, который в числе источников, необходимых для определения наличия нормы международного обычного права, наряду с решениями органов исполнительной, законодательной и судебной властей, предлагает обращаться и к дипломатической переписке, практике международных органов, а также к резолюциям, касающимся правовых вопросов, обсуждаемых Генеральной Ассамблеей ООН [Brownlie, Goodwin-Gill 1992:436]. Полагаем, что здесь в первую очередь имеется в виду практика универсальных правозащитных механизмов, функционирующих в рамках ООН, а также региональных институтов по обеспечению международной защиты прав человека и мониторингу международных обязательств государств по соблюдению прав человека.

Несмотря на тот факт, что в настоящее время национальная практика государств не дает достаточных оснований для признания за Всеобщей декларацией прав человека характера нормы международного обычного права, приверженность государств принципам Устава ООН, в котором впервые была провозглашена вера в основные права человека и достоинство человеческой личности, а также признание высокого морального авторитета Декларации может являться основанием обязательного соблюдения ее положений.

Тем не менее по прошествии 70 лет с сожалением приходится констатировать, что клятвы «никогда больше», заложенные отцами-основателями в Устав ООН и Всеобщую декларацию прав человека, остаются нереализованными. Преступления против человечности, трагические последствия политики геноцида и апартеида, представляющих собой систематические и грубые нарушения прав человека, со всей очевидностью показывают недостатки в международно-правовом регулировании данной сферы и несостоятельность международных институтов, призванных обеспечивать мир, безопасность и достоинство человеческой личности [Мустафеева 2017:8].

Верховный комиссар ООН по правам человека Зайд Раад Зайд аль-Хусейн, выражая опасения

ми (такими, как Европейская конвенция об экстрадиции 1957 г., Межамериканская конвенция об экстрадиции 1981 г. и др.), а также межгосударственными соглашениями. См.: [Сафаров 2005].

¹⁰ Статут Международного суда ООН. – *Официальный сайт ООН*. Доступ: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 23.12.2017).

по поводу «сомнений во всеобщности прав человека» и бытующего в связи с этим общественного мнения о «провале мирового правозащитного сообщества», отмечает, что «если Всеобщая декларация прав человека была написана 70 лет назад, чтобы изменить мир к лучшему... что ж, хрупкость правозащитной повестки сегодня говорит сама за себя»¹¹.

Окончание «холодной войны» породило хрупкие надежды на более прочный мир и возможность эффективного и равноправного международного сотрудничества государств, направленного на обеспечение международного мира, безопасности и прав человека. В ответ на изменившиеся обстоятельства были учреждены новые международные институты. Кроме того, начался процесс перехода от культуры государственной безнаказанности к культуре международно-правовой ответственности, выразившейся в том числе и в создании международных уголовных трибуналов – важной вехе в формировании режима «справедливости без границ».

Вместе с тем содействие, а в ряде случаев и вмешательство, международного сообщества в целях защиты прав человека стало очередным яблоком раздора между основными международными игроками¹². В результате, как отмечает С. Хантингтон, «за пять лет после падения Берлинской стены слово «геноцид» слышалось гораздо чаще, чем за любые пять лет «холодной войны»» [Хантингтон 2015:30].

Современная дискуссия по правозащитной тематике, приуроченная к 70-летию юбилею без преувеличений эпохального документа, сама по себе является отражением значительных перемен, которые произошли со времени принятия Декларации. Учитывая конфронтационный характер отношений Запада и России, вряд ли сегодня стало бы возможным принятие такого документа, явившегося результатом грандиозного компромисса политически и идеологически противоборствующих сторон. Более того, современная полемика ведется в условиях стремительно глобализирующегося мира, в котором игнорирование фактов массовых и грубых нарушений прав человека в одном государстве или регионе представляет угрозу международному миру и безопасности.

Как пишут некоторые авторы, «права человека, являясь отражением и рычагом этих процессов, перешли на новый уровень своего развития – уровень глобализации»¹³. Не вызывает сомнений тот факт, что в условиях стремительно глобализирующегося мира права человека призваны служить построению конструктивного диалога между странами и народами мира, развитию идей мирного сосуществования и обязательного сотрудничества государств, а не являться орудием оказания политического давления, распространенного в практике современных международных отношений.

Это в свою очередь усиливает и актуализирует значимость Всеобщей декларации прав

¹¹ Речь Верховного комиссара ООН по правам человека Зайда Раада Зайда аль-Хусейна. Лунд, Швеция, 27 ноября 2017 г. Доступ: <https://zen.yandex.ru/media/humanrightsabroad/verhovnyi-komissar-oon-ne-smeite-govorit-cto-prava-cheloveka-ne-dlia-vseh--5a42725a482677f25121c6b3> (дата обращения: 08.01.2018). Оригинал: "Do Not Dare To Tell Me Human Rights Are Not Universal". URL: <http://rwi.lu.se/2017/11/not-dare-tell-human-rights-not-universal/> (accessed date: 08.01.2017).

¹² Речь идет о многочисленных случаях применения вооруженной силы государствами в одностороннем порядке, в частности в Конго, Доминиканской Республике, Восточном Тиморе, Гренаде и т.д., в 1950–1980 гг. XX в., получивших название «гуманитарная интервенция». В первой половине 1990-х гг. интерес к этой проблеме возрос и был связан с военной операцией Объединенных вооруженных сил в Ираке и действиями, направленными на защиту гражданского населения после нападения Ирака на Кувейт, которые на время породили надежду на возможность объединения коллективных усилий государств под эгидой ООН в целях ответа на агрессию и массовые нарушения прав человека. Но эти надежды не оправдались в случаях с операциями в Сомали, Гаити, Руанде и бывшей Югославии, вызвавшими осуждение мирового сообщества и критику доктрины так называемой справедливой войны. Вопрос правомерности «гуманитарной интервенции» спровоцировал широкую дискуссию о балансе двух императивных принципов (*jus cogens*) международного права — государственного суверенитета и прав человека. Суть дискуссии сводилась к тому, обладают ли государства безусловным суверенитетом во внутренних делах и уполномочено ли международное сообщество реализовывать военное вмешательство на территории суверенных государств в гуманитарных целях. В итоге была разработана концепция «Ответственность по защите» (от англ. "Responsibility to protect"), предполагающая, что суверенитет не только предоставляет государствам право «контролировать» свои внутренние дела, но также налагает непосредственную ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих стран. В случае же неспособности и нежелания государства (ввиду отсутствия возможностей либо воли) защитить людей предлагается передать ответственность по их защите международному сообществу. Эта концепция нашла отражение в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г.

¹³ Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. *Права человека: учебник*. М.: Эксмо. 2008. С. 294.

человека, приверженность принципам которой требует политической воли государств мирового сообщества, а также институциональной рефор-

мы организаций и существующих механизмов, призванных обеспечивать международную защиту прав человека.

Список литературы

1. Джонсон Г. 2003. Разработка Всеобщей Декларации прав человека (1946–1948 гг.). – *Развитие личности*. № 4. Доступ: <http://rl-online.ru/articles/4-03/224.html> (дата обращения: 15.01.2018).
2. Мустафаева Н.И. 2017. Правозащитная деятельность ООН: действующее механизмы и необходимость реформы. – *Международное публичное и частное право*. № 5 (98). С. 3–8.
3. Сафаров Н.А. 2005. *Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики*. М.: Волтерс Клувер. 416 с.
4. Ханнум Х. 1999. Статус Всеобщей декларации прав человека во внутреннем и международном праве. – *Российский бюллетень по правам человека*. Вып. 11. С. 14–21.
5. Хантингтон С. 2015. *Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка*. М.: АСТ. 571 с.
6. Brownlie I., Goodwin-Gill G.S. 1992. *Basic Documents on Human Rights*. Oxford: Oxford University Press. 631 p.
7. Yagawick W. 1993. Hong Kong and the International Politics of Human Rights. – *Human Rights in Hong Kong*. Ed. by R. Wacks. Hong Kong: Oxford University Press (China) Ltd. P. 158–163.

References

1. Brownlie I., Goodwin-Gill G.S. *Basic Documents on Human Rights*. Oxford: Oxford University Press. 1992. 631 p.
2. Hannum H. Status Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka vo vnutrennem i mezhdunarodnom prave [The Status of the Universal Declaration of Human Rights in Domestic and International Law]. – *Rossiiskii byulleten' po pravam cheloveka*. 1999. Issue 11. P. 14–21. (In Russ.)
3. Huntington S. 2015. *Stolknovenie tsivilizatsii i preobrazovanie mirovogo poryadka* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow: AST Publ. 571 p. (In Russ.)
4. Johnson G. Razrabotka Vseobshchei Deklaratsii prav cheloveka (1946–1948 gg.). [Elaboration of the Universal Declaration of Human Rights]. – *Razvitie lichnosti*. 2003. No. 4. (In Russ.). URL: <http://rl-online.ru/articles/4-03/224.html> (accessed date: 15.01.2018).
5. Mustafayeva N.I. Pravozashchitnaya deyatelnost' OON: deistvuyushchee mekhanizmy i neobkhodimost' reform [International Activity of the United Nations: current mechanisms and need for a reform]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2017. No. 5 (98). P. 3–8. (In Russ.)
6. Safarov N.A. *Ekstraditsiya v mezhdunarodnom ugovnom prave: problemy teorii i praktiki* [Extradition in International Criminal Law: problems of theory and practice]. Moscow: Volters Kluver Publ. 2005. 416 p. (In Russ.)
7. Yagawick W. Hong Kong and the International Politics of Human Rights. – *Human Rights in Hong Kong*. Ed. by R. Wacks. Hong Kong: Oxford University Press (China) Ltd. 1993. P. 158–163.

Информация об авторе

Наджиба Ильгар кызы Мустафаева,

кандидат юридических наук, научный сотрудник, Центр стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики

AZ 1005, Азербайджанская Республика, Баку, М. Ибрагимова ул., 8

najiba.mustafayeva@sam.gov.az
ORCID: 0000-0003-1855-6536

About the Author

Najiba I. Mustafayeva,

Cand. Sci. (Law), Researcher, Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan

8, ul. M. Ibrahimova, Baku, the Republic of Azerbaijan, AZ 1005

najiba.mustafayeva@sam.gov.az
ORCID: 0000-0003-1855-6536